

Александра Краковяк

«Люблю Россию я...» : жанровая традиция изображения России в лирическом анре инвективы

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 5, 21-29

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДРА КРАКОВЯК
Краков (Польша)
Ягеллонский университет

«ЛЮБЛЮ РОССИЮ Я...» ЖАНРОВАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ РОССИИ В ЛИРИЧЕСКОМ ЖАНРЕ ИНВЕКТИВЫ

Образ родины, создаваемый в том или ином произведении, зависит от многих факторов, среди которых в первом ряду стоят те из них, которые непосредственно связаны с личностью автора: его характер, его личный жизненный опыт, его идейные позиции. «Своя» Россия у Гоголя, Герцена, Некрасова, Тютчева, «своя» – у Есенина и Маяковского. Однако существуют и некоторые сверхличностные аспекты, влияющие на то, какими глазами смотрит на Россию художник. Прежде всего это эпоха и конкретный исторический момент, в который создается произведение. Еще одним сверхличностным аспектом, влияющим на то, как именно изображается родной край, является жанр.

Самым очевидным примером влияния жанра на образ России является метод ее изображения в похвальной оде¹. В рамках же настоящей статьи мы хотим рассмотреть также довольно специфический, устоявшийся и ставший, как мы постараемся показать, традиционным, способ изображения России в жанре инвективы. Жанр инвективы, в отличие от оды, является жанром гораздо менее изученным, поэтому, отсылая уважаемого читателя к более ранним нашим публикациям на эту тему², мы назовем кратко основные жанровые признаки лирической инвективы, а именно:

- 1) гневный пафос и наличие обвинения от первого лица (от имени «я» или «мы»);
- 2) наличие прямого персонифицированного адресата;
- 3) специфические отношения борьбы, противостояния между прямым адресатом и субъектом инвективы, который бросает свое обвинение как бы «в лицо» адресату, ср.:

¹ Об этой специфике в литературоведческих трудах сказано многое. См., например: Н. Ю. Алексеева, *Идея государства и топоры в одах М. В. Ломоносова*, [в:] *Риторическая традиция и русская литература*, Санкт-Петербург 2003, с. 89–107; Е. В. Душечкина, «От Москвы до самых до окраин...» (формула протяжения России), [в:] *Риторическая традиция и русская литература*, Санкт-Петербург 2003, с. 108–124; Е. Погосян, *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.*, Тарту 1997 и др.

² См.: А. С. Краковяк, *Инвектива как лирический жанр: семантическая структура (на материале русской и польской поэзии XIX–XX вв.)*, „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica” 2010, nr 3, s. 134–156; А. С. Краковяк, *Жанры инвективы и оды в контексте риторической традиции (на материале русской поэзии XVIII–XX вв.)*, [в:] *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. W dialogu ze spuścizną literacką i kulturową*, pod red. О. Główko i Е. Sadzińskiej, Łódź 2010, с. 39–49; А. С. Краковяк, *Инвектива как литературный жанр: проблемы структуры и генезиса: Автореф. дис... канд. филол. наук*, Санкт-Петербург 2010. См. также: С. А. Матяш, *Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса*, [в:] *Феномен русской классики*, Томск 2004, с. 17–32.

Надменный временщик, и подлый, и коварный,
 Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
 Неистовый тиран родной страны своей,
 Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
 Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
 И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!

(К. Рылеев, *К Временщику*, 1820).

Доминантным признаком жанра является наличие угрозы как предсказание (обещание) грядущего возмездия адресату³, ср.:

Наказан будешь ты сообщников рукою,
 И рано ль, поздно ли, они когда-нибудь
 Вольют смертельный яд тебе в большую грудь.

(В. Кюхельбекер, *Клеветнику*, 1846).

Адресатом инвективы может быть предавший друг, неверная возлюбленная, политический противник, обобщенный образ власти, захватчиков и т.д. Неоднократно адресатом инвективы становился и собирательный образ «народа»: М. Лермонтов – *30 июля (Париж) 1830 года* (1830), П. Каратыгин – *Французам* (1852), Я. Полонский – *Вложи свой меч (Немецкому народу)* (1870) и т.д.

Нас в контексте нашей темы будет интересовать группа инвектив, адресованных врагам России как государства: А. Пушкина *Клеветникам России* (1831) и *Бородинская годовщина* (1831); М. Лермонтова *Опять народные витии...* (1834–35); Н. Языкова *К ненашим* (1844); И. Никитина *Война за веру* (1854) и *Новая борьба* (1854); Л. Мея *Союзникам* (1855); А. Блока *Скифы* (1918); А. Ахматовой *Клеветникам* (1950)⁴.

Произведения написаны в разные исторические эпохи, по различным поводам, а их авторы занимали различные, часто довольно неоднозначные позиции по отношению к собственной стране. Пушкин был известен своим вольнодумством, сочувствием идеям декабристов, сложными отношениями с Николаем I и его режимом⁵. *Клеветникам России* и *Бородинская годовщина*,

³ Подробнее об угрозе в инвективе см.: А. С. Краковяк, *Угроза как элемент поэтики жанра инвективы*, [в:] *Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики*. Сб. науч. ст., под ред. Н. Н. Акимовой, Н. Г. Михновец, Санкт-Петербург 2008, с. 29–33.

⁴ Тексты цитируются по изданиям: А. Ахматова, *Собрание сочинений в двух томах*, т. 2, Москва 1997, с. 54–55; А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах*, т. 5, Москва 1999; М. Лермонтов, *Собрание сочинений в 4-х томах*, под общ. ред. И. Л. Андронникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана, т. 1, Москва 1957, с. 294–295; Л. Мей, *Полное собрание сочинений Л. А. Мея в 2-х т*, т. 1, Санкт-Петербург 1911, с. 132–133; И. Никитин, *Полное собрание стихотворений*, Москва-Ленинград 1965, с. 108–109, 130–131; А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10-ти томах*, т. 3, Ленинград 1977, с. 209–213; Н. М. Языков, *Стихотворения*, сост., вступит. ст. и примеч. В. И. Сахарова, Москва 1978, с. 89. В дальнейшем цитаты по этим изданиям будут ограничиваться лишь фамилией автора.

⁵ На эту тему написано много работ, в зависимости от политической ситуации подчеркивается то лояльность Пушкина по отношению к Николаю, то его фрондерство, борьба за свободу слова и т.д. См.: Т. Зенгер, *Николай I – редактор Пушкина*, [в:] *Александр Пушкин*, Москва 1934, с. 513–536; В. Ходасевич, *Пушкин и Николай I*, [в:] его же, *Книги и люди*, Москва 2002, с. 130–140; П. Е. Щеголев, *Император Николай I и Пушкин в 1826 году*, [в:] *Первенцы русской свободы*, Москва 1987; Ю. Лотман, А. С. Пушкин, *биография писателя, статьи и заметки 1960–1990*, Глава 5: *После ссылки. 1826–1829*, Санкт-Петербург 1997; Б. Башилов, *Поэт и царь*, [в:] его же, *История русского масонства*, Москва 2003 и др.

написанные, по всей видимости, со всей искренностью, были критически восприняты даже многими его приятелями (известны язвительные замечания П. Вяземского по этому поводу), подчеркивавшими, что стихи для них неожиданны и заставляют их изменить мнение даже и о самом поэте⁶. Известен своим критическим взглядом на Россию и Лермонтов – автор хрестоматийного «Прощай, немытая Россия / Страна рабов, страна господ...». Наконец, более чем далека была от патриотического воспевания «страны советов» совсем не «советский» поэт Анна Ахматова (написанный в 1950 году цикл *Слава миру!*, первым произведением которого и стало опубликованное в № 14 журнала «Огонек» за 1950 год стихотворение *Клеветникам*, был, по воспоминаниям современников Ахматовой, лишь «неискренними стихами», отчаянной попыткой спасти арестованного сына⁷).

Тем не менее данную группу произведений четко объединяет как тематика (обращение с гневным обличением к врагам России), так и жанр: все стихи написаны от имени «мы» с гневным обращением к «вам» – эксплицитному, персонифицированному адресату, которому обвинение «бросается в лицо», т.е. все рассматриваемые произведения являются инвективой в узком, жанровом значении этого слова⁸. Как мы попытаемся далее показать, закон жанра (его структура) диктует определенные принципы построения текстов, в то же время жанровая традиция навязывает автору некоторые топоры и приемы, вынося за скобки личную политическую позицию.

Итак, прежде всего рассмотрим, каким именно образом представляется Россия – объект нападения и агрессии со стороны адресата инвективы.

Образ России в анализируемых текстах создается за счет:

- номинации;
- добавления к названию страны эпитетов;
- упоминания граждан или властей России с соответствующими эпитетами;
- упоминания связанных с Россией событий прошлого (важно, какие события выбираются – победы или поражения);
- представления о будущем столкновении России с адресатом инвективы.

⁶ Подробно этот вопрос рассмотрен О. Муравьевой. См.: О. Муравьева, «Вражды бессмысленной позор...». Ода „Клеветникам России“ в оценках современников, «Новый мир» 1994, № 4, цит. по: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/6/murav.html [14.09.2012].

⁷ См.: И. Лосиевский, *Анна Всея Руси. Жизнеописание Анны Ахматовой*, электронный ресурс <http://www.akhmatova.org/bio/losievskij/losievskij06.htm> [14.09.2012]; см. также: М. Кралин, *Победившее смерть слово. К истории сборника „Слава миру!“*, цит. по: <http://www.akhmatova.org/bio/kralin/kralin08.htm> [14.09.2012].

⁸ Напомним, что в литературоведении существует также понятие «инвектива» в широком смысле этого слова – как гневная, обличительная речь, ср.: «инвектива – резкое обличение реального лица или группы лиц, принимающее различные литературные формы» (*Литературный энциклопедический словарь*, под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, Москва 1987, с. 121). Ср. также: *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, под ред. А. Н. Николюкина, Москва 2003, стб. 302), *Словарь античности (Lexicon der Antike)*. Перевод с немецкого под ред. В. Кузищина, Москва 1989, с. 225 и др.

Рассмотрим выстраиваемый за счет этих приемов образ России.

1. Номинация. Во всех рассматриваемых инвективах, за исключением *Клеветникам А. Ахматовой*, используется нейтральная, ожидаемая номинация – «Россия». Помимо этого используются традиционные, клишированные за счет одической традиции: возвышенно-патетическое «Русь» (И. Никитин, *Война за веру*, Л. Мей, Н. Языков, А. Пушкин, *Бородинская годовщина*), «русская земля» (А. Пушкин, *Клеветникам России*, Н. Языков), а также метафорические выражения «русский орел» (Л. Мей), «северный колосс» (Л. Мей), «страна великая» (А. Ахматова), «Север» (И. Никитин, *Война за веру*). Неожиданной и до сих пор уникальной в этом ряду является номинация Блока: «Россия – Сфинкс».

2. Очень важным для создания образа России являются эпитеты, относящиеся непосредственно к самому имени «Россия» или его эквивалентам. В этом ряду следующие эпитеты: «миролюбивая» (И. Никитин, *Война за веру*), «святая» (Н. Языков, И. Никитин, *Война за веру*, И. Никитин, *Новая борьба*), «державная» (И. Никитин, *Война за веру*), «православная» (Л. Мей), «великая» (А. Ахматова), «крепкая, надежная» (Н. Языков).

3. Помимо таких непосредственных оценок Россия характеризуется опосредованно за счет:

1) характеристики ее граждан. Здесь появляются определения: «севера сыны» (Л. Мей), «азиаты мы / с раскосыми и жадными очами» (А. Блок), «верный росс» (А. Пушкин, *Клеветникам России*), «великий наш народ», «грозный», «величавый» (И. Никитин, *Новая борьба*), «величья нашего зоря» (М. Лермонтов), «все богатырь в богатыря», «русский воин / в бою не только храбр – бестрепетно-спокоен» (Л. Мей).

2) характеристики ее правительства. Это правительство упоминается исключительно в символических, идеализированных фигурах: «солнце русского царя» (М. Лермонтов), «русский царь» (А. Пушкин, *Клеветникам России*), «русский владыка» (А. Пушкин, *Бородинская годовщина*), «дети белого царя» (Л. Мей), «русский государь / Державный стражник русской славы» (Л. Мей).

3) оценки-характеристики ее вероисповедания. К этой категории следует отнести все упоминания веры и связанных с религиозной практикой понятий: «церковь Божия», «святой алтарь», «православная святыня» (Л. Мей), «русский Бог» (Н. Языков), «древняя вера» (И. Никитин, *Новая борьба*), «свобода христиан и веры православной», «с тобой и за тебя святая мать-дева» (И. Никитин, *Война за веру*), «святыня древнего Кремля» (Н. Языков) и т.п.

Употребление этих формулировок расширяет семантическое поле, связанное со словом Россия и вводит его в круг понятий «праведность, святость, правое дело» и т.д.

4. Важными для опосредованной характеристики являются упоминаемые в текстах исторические события. Этот мотив появляется практически во всех произведениях, причем здесь важна как подборка, так и освещение

этих событий. Упомянуты исключительно победные, славные для России исторические факты: «славный бой Кагула» (сражение при Кагуле 1770 г.), «Чесменский бой», взятие русскими войсками турецкой крепости Измаила, Рымник, Полтава, Бородино (географические названия, отсылающие читателя ко всем известным победным сражениям России под Полтавой, Рымником и на Бородинском поле), победа в Отечественной войне 1812 г. (А. Пушкин, *Клеветникам России*, М. Лермонтов, *Опять, народные витии...*, И. Никитин, *Новая борьба, Война за веру*). Ссылками на славные события являются и более абстрактные намеки: «могучих прадедов деянья», «слава Севера», «наследие столетий» – у Н. Языкова; «Держали щит меж двух враждебных рас – / Монголов и Европы!» – у А. Блока.

5. Отдельно следует рассмотреть мотив предрекаемого столкновения России с адресатом инвективы. Стратегией в данном случае оказывается представление России в качестве грозной носительницы правосудия, страшной в праведном гневе. При описании предполагаемого столкновения появляются следующие топосы:

а) чести, достоинства: «но честь России невредима» (М. Лермонтов), «за честь Руси державной» (И. Никитин, *Война за веру*); «как вдохновенно, как достойно / Страна великая живет» (А. Ахматова).

б) силы, могущества: «и грозной силою холодного штыка / Смирим фанатиков надменного Стамбула!» (И. Никитин, *Война за веру*); «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах?» (А. Блок); «напомним скопищам забывшихся врагов / [...] / И силу русскую, и доблести отцов» (И. Никитин, *Новая борьба*); «Иль русский от побед отвык?», «Иль старый богатырь, покойный на постеле, / Не в силах завинтить свой измайльский штык?» (А. Пушкин, *Клеветникам России*).

в) количества, большой численности: «иль мало нас?» (А. Пушкин, *Клеветникам России*), «по слову царскому мильонами вставали» (И. Никитин, *Война за веру*), «предположить, что сорок миллионов [...] / Исполнят волю горсти пришлецов» (Л. Мей), «нас тьмы, и тьмы, и тьмы» (А. Блок). Столкновение адресата инвективы с Россией вне всякого сомнения должно закончиться полным поражением врага и победой России как представителя сил добра, носителя высшей правды, окруженной ореолом святости.

Итак, если адресат инвективы – враги России – представляются как кичливые, гордые, надменные, и одновременно жестокие, подлые, вероломные и т.д., то сама Россия, по принципу контраста, представляется как миролюбивая, святая, защищающая истинную веру, и одновременно могущественная, державная, величественная, страшная и грозная для своих врагов.

Почему же образ России строится именно таким способом, почему все поэты прибегают к сходным приемам и топосам? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо еще раз обратиться к специфике жанра. Речь идет об определенной жанровой структуре, а также тех топосах и мотивах, которые складываются в определенную жанровую традицию.

Инвектива как жанр (обвинение прямому, персонифицированному адресату) обладает четко выраженной, специфической целевой установкой. Эта установка заключается в оказании максимального эмоционального воздействия на адресата, принуждение его к принятию заданной автором идейной позиции, а в некоторых случаях – к совершению конкретных действий⁹. Данная цель достигается за счет определенного типа построения текста, его жанровой структуры, а именно – наличия в нем константных семантических компонентов: обвинения, доказательства, угрозы возмездия. Субъект инвективы, с одной стороны, старается представить адресата в максимально отрицательном свете: прежде всего за счет негативной номинации, ср. в наших текстах: «клеветники, враги России», «мутители палат», «легкоязычные витии», «черни бедственный набат» (Пушкин), «безумцы мелкие» (Лермонтов), «поборники ислама» (Мей), «враги поклонников креста» (Никитин, *Война за веру*), «люди заносчивый и дерзкой, / [...] опрометчивый оплот / Ученья школы богомерзкой» (Языков) и т.д. В то же время обвинение-номинация усиливается посредством описания совершенных адресатом злых дел/преступлений, т.е. д о к а з а т е л ь с т в а, ср. в рассматриваемых в рамках настоящей статьи группе текстов:

Ужель вы лучшего предлога не нашли,
 Чтобы извлечь свой меч в войне несправедливой
 И положить свой прах в полях чужой земли?
 Ужель чужих умов холодное коварство
 Вас в жалких палачей умело обратить
 И для беславия жестокого тиранства
 Народные права заставило забыть?
 И. Никитин, *Война за веру*.

Вы сотни лет глядели на Восток,
 Копя и плава наши перлы,
 И вы, глумясь, считали только срок,
 Когда наставить пушек жерла!
 А. Блок.

Напрасно кровавой пеленой
 Вы страну нашу мните покрыть, –
 А. Ахматова.

С другой стороны, для инвективы как жанра важно, что субъект-обвинитель (или тот, кого он защищает) – сама невинность, чистота, благородство, образец всяческой добродетели. В случае анализируемых текстов таким идеалом добродетели и является Россия, которую субъект защищает и от имени которой выступает.

⁹ Подробнее вопрос целевой установки и решения жанровых задач рассматривается в работе: А. С. Краковяк, *Литературный жанр с точки зрения целевой установки (на примере лирического жанра инвективы)*, «Известия РГПУ им. А. И. Герцена» № 18 (44), Санкт-Петербург 2007, с. 140–144.

Заметим, что по закону жанра третьим семантическим компонентом является угроза возмездия: обличаемый адресат должен быть наказан, чтобы в мире восстановилась справедливость и гармония. Эта структура направлена на оказание заданного воздействия на адресата текста, попытка вызвать у него определенные эмоции: сочувствия по отношению к «жертве» адресата – субъекту; гнева по отношению к адресату инвективы. Гнев в данном случае прямо пропорционален сочувствию, поэтому для реализации жанровых задач инвективы важно, с одной стороны, представить в как можно более негативном свете адресата инвективы, с другой стороны – создать как можно более положительный образ субъекта-жертвы¹⁰. Однако в интересующих нас текстах усиление обвинения происходит не столько за счет образа субъекта, сколько за счет образа России, которую этот субъект защищает.

Именно поэтому Россия во всех избранных текстах изображается одинаково: как древняя, святая, могучая и справедливая держава. Наказание адресату в данном случае придет от руки России, действующей по Божией воле, ср.:

Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!
Н. Языков.

С каким презрением потомок оскорбленный,
Краснея, ваш позор в историю внесет
И, гневом праведным невольно увлеченный,
Постыдный ваш союз, быть может, проклянет!
И. Никитин, *Новая борьба*.

А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклинять
Больное, позднее потомство!
А. Блок.

В противном случае обвинение потеряло бы свою силу, текст утратил бы свое эмоциональную направленность, задача жанра не была бы решена.

Использование определенных повторяющихся мотивов становится элементом не столько структуры, сколько традиции жанра. Именно к жанровой традиции следует отнести повторение топосов «проклятие / осуждение потомков»¹¹ у так, казалось бы, далеких друг от друга поэтов, как И. Никитин и А. Блок (ср. приведенные выше примеры угрозы). Несомненно, на традицию ориентируется, создавая свои «неискренние» стихи,

¹⁰ Ср. риторический принцип «доверие к оратору» – М. Л. Гаспаров, *Античная риторика как система*, [в:] его же, *Избранные труды*, т. 1, Москва 1997, с. 561–567 и др.

¹¹ Этот топос характерен для инвективы в целом как элемент семантического компонента «угроза возмездия». Подробнее этот вопрос рассматривается в работе автора настоящей статьи *Угроза как элемент поэтики жанра инвективы*, где приводятся соответствующие примеры и развернутая аргументация (см.: А. С. Краковяк, *Угроза как элемент...*, с. 30–31).

и А. Ахматова. Давая произведению название *Клеветникам*, Ахматова не могла не иметь в виду пушкинское *Клеветникам России*, при этом в ее тексте легко прослеживаются топоры, использованные Лермонтовым, ср.:

Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
М. Лермонтов

Напрасно кровавой пеленой
Вы страну нашу мните покрыть, –
А. Ахматова

Ср. также:

Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.
М. Лермонтов

Восстанут народы живой стеной
И скажут: «Тому не быть!»
А. Ахматова

Хронологически первыми произведениями, открывающими данный ряд инвектив, являются произведения Пушкина¹², на которые открыто ориентируется (и даже ссылается) спустя три года Лермонтов, а затем и другие поэты. Каждый из них строит свой текст по закону жанра: прямое обвинение, бросаемое в лицо эксплицитному адресату, доказательство (с разной степенью развернутости) и затем угроза грядущего возмездия. Каждый автор старается показать адресата с самой отрицательной, порочащей стороны. И каждый – следуя неписанной, но установленной самим Пушкиным, традиции жанра – старается усилить обвинения, изображая Россию как древнюю, святую и могущественную державу, вызывая тем самым больший гнев по отношению к ее врагам.

Завершая анализ, повторим, что именно такой образ России не характерен для большинства поэтов, о которых идет речь. И Пушкин, и Лермонтов, и Блок, и Ахматова известны резкими высказываниями в адрес российского государства, а также совершенно иными – мрачными – образами России. Поэтому названные произведения не раз ставили литературоведов в тупик, вызывая недоумение и сомнения в искренности автора. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в данном случае решающую роль в создании того, а не иного образа России, сыграла именно жанровая традиция, вытекающая из задач жанра инвективы – жанра, в котором нет места для сомнений, противоречивых и сложных образов, философских рассуждений, в котором невозможны полутона.

¹² Подчеркнем, что речь идет исключительно об одном типе инвектив: инвективах, адресованных политическим врагам России как государства. Образцы инвективы как жанра появляются в русской поэзии задолго до Пушкина – в пример можно привести такие произведения как *Зубницкому* М. Ломоносова (1757), *Властителям и судьям* Г. Державина (1780), *Перуанец к Испанцу* Н. Гнедича (1805), *К временицику* К. Рылеева (1820), *Проклятие* В. Кюхельбека (1822) и др.

Summary

ALEKSANDRA KRAKOWIAK

„LYUBLYU ROSSIYU YA...”
THE GENRE TRADITION OF PRESENTATION RUSSIA
IN THE LYRICAL GENRE OF INVECTIVE

The author considers a group of Russian poetic texts aimed at the political foes of Russia as a state. The author argues that these texts are samples of lyrical genre of invective, which is proved by their semantic structure and the objective of the text as a kind of poetic expression. The structure of the genre and its tradition imply a specific image of Russia, which forms in all of the texts analysed, regardless of the literary epoch and political beliefs of the poets.

Key words: genre, invective, lyric poetry, structure.